

они вносят заметное оживление в научно-богословскую жизнь, помогают уточнить концептуальные формулировки и проверить их на прочность. Жанр таких дискуссий не предполагает «споров о вере». Так было и в прошедшем собеседовании: никто из его участников не сомневался в истинности того, что Евхаристические Дары есть Истинные Тело и Кровь Господа Иисуса Христа. Целью собравшихся было лишь представление различных богословских позиций и уточнение некоторых, в том числе терминологических аспектов.

Поскольку семинар вызвал в академических кругах определенный резонанс и неоднозначные

оценки, а саму дискуссию сопровождало появление ряда пространных и не вполне объективных статей в церковной прессе, редакция журнала «Встреча» обратилась непосредственно к участникам семинара — профессорам и преподавателям Московской духовной академии и семинарии с просьбой прокомментировать дискуссию и изложить собственное мнение по затрагиваемому вопросу.

*Материал подготовил
иеродиакон Пантелеимон (Шустов),
I курс МДА*

фото Дениса Матвеева

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАЙЦЕВ

преподаватель МДА

Состоявшийся в стенах нашей Академии семинар показал, что все его участники согласны в главном — после литургического освящения хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми, истинными и реальными. Однако в вопросе о том, что именно имеется в виду, когда мы говорим о тождестве исторического и евхаристического Тела Господа Иисуса Христа, что именно обеспечивает это тождество, мнения разделились.

В ходе семинара была высказана точка зрения, согласно которой Евхаристическое изменение есть изменение одних тварных сущностей в другие — сущность хлеба становится сущностью Тела Христова, а сущность вина — сущностью Его Крови. Концептуальным выражением этого подхода является термин «пресуществление».

Не все участники дискуссии согласились с таким пониманием. Представляется, что описывать Таинство Евхаристии в категориях простого изменения сущностей — значит затемнять или даже искажать его цели и смысл. К тому же, такой подход очень зависим (и по происхождению, и по сути) от известного томистского учения, догматизированного на Тридентском соборе Римско-Католической Церкви.

Следует оговориться, что деление участников этой дискуссии только на две стороны не лишено

определенной доли условности — палитра мнений, высказанных на семинаре, была на самом деле шире.

Относительно своей позиции могу сказать, что концепция пресуществления, на мой взгляд, ошибочна и выражением Предания Православной Церкви не является. Возможно, она имеет право на существование, но не более, как одна из научно-богословских разработок. Любые попытки ее догматизации несостоятельны как с богословской, так и с церковно-канонической точек зрения.

Если вести речь о собственно богословских аргументах, то сразу же возникает следующий вопрос. Концепция пресуществления говорит об изменении сущностей или субстанций хлеба и вина в сущности Тела и Крови Христовых. Однако что же такое сущность? Что это за потаенная «вещь в себе»? Что такое сущность хлеба, что такое сущность вина? Наконец, что такое сущность Тела Христова и сущность Его Крови? Есть ли в учении Церкви ясные ответы на эти вопросы? Представляется, что нет.

Так неужели за разъяснениями мы должны обращаться к Фоме Аквинскому, который просто принял в качестве априорной богословской посылки одно из положений метафизики Аристотеля — различие в каждой вещи, с одной сто-

Тайная вечеря.
Фреска. Ватопед, Афон

роны, ее субстанции и, с другой, ее акциденций? Нельзя же в качестве безусловного богословского постулата принимать то, что, во-первых, не было открыто в Божественном Откровении, а во-вторых, вообще выходит за рамки собственно богословия и относится к области философии, к метафизике или гносеологии.

В патристике вопрос о существовании каких-то самостоятельных тварных субстанций, сокровенных и эмпирически непознаваемых, вообще никогда специально не обсуждался. Святитель Василий Великий, например, считал бессмысленной саму постановку этого вопроса.

И вдруг на фоне такой апофатической недоговоренности Предания Церкви о том, что же есть тварная сущность вещи, нам предлагаются формулировки о превращении сущностей (а термин «пресуществление» именно это и подразумевает), якобы происходящем в Евхаристии. И этим формулировкам пытаются усвоить едва ли не общецерковный вероучительный статус.

Второй вопрос: что означают попытки догматизации концепции пресуществления с церковно-канонической точки зрения? Хорошо известно, что в трудах абсолютного большинства православных

богословов XX века, причем богословов самых различных направлений и школ, эта концепция либо игнорируется, либо открыто и подчас категорично отвергается. Так неужели все они, а это кроме множества прочих, и иерархи Русской Православной Церкви — патриарх Сергей (Страгородский), архиепископ Василий (Кривошеин) и архиепископ Алексей (Ван дер Менсбрюгге) неверно понимали православные догматы? Присвоение концепции пресуществления догматического статуса создает для нас серьезнейшую церковно-каноническую проблему — как тогда мы должны воспринимать названных иерархов, как тогда мы должны относиться к целому ряду крупнейших богословов минувшего столетия, как, наконец, должны относиться друг к другу?!

Иногда говорят, что если это учение ошибочно и сам термин «пресуществление» неадекватен, то получается, что употреблявшие его русские святые XVIII–XIX веков заблуждались, но возможно ли это? Кто из святых и в каком значении этот термин употреблял — вопрос отдельный. Но в целом, в подобного рода случаях можно сослаться на слова преподобного Варсонофия Великого, который различает в святоотеческом наследии, с одной

стороны, то, что Отцы могли по ошибке заимствовать у других, не исследовав их слов и не спросив Бога о том, «Духом ли Святым внушено было то», и, с другой стороны, собственно боговдохновенное учение, о котором сами они засвидетельствовали как о божественном внушении. Очевидно, что в данном случае говорить о боговдохновенности термина «пресуществление» не приходится, это лишь дань академическому богословию своего времени.

Кроме того, вопрос можно поставить и иначе. Известно, что святые, например, архиепископ Ила-

рион (Троицкий) или Михаил Новоселов были ревностными противниками концепции пресуществления.

Итак, как мне представляется, самым благоразумным с точки зрения церковного мира может быть только одно — для начала необходимо признать следующий очевидный факт. Для описания тайны Евхаристического изменения в православном богословии существуют различные подходы, ни один из которых не догматизирован Церковью.

АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ОСИПОВ

заслуженный профессор МДА

фото Дениса Матвеева

Семинар показал, что дискуссии по серьезным богословским проблемам должны вестись только небольшим составом компетентных людей. Иначе возникает атмосфера, в которой трудно достичь каких-либо положительных результатов.

Поскольку никто из участников семинара не сомневался, что Евхаристические Дары после освящения становятся истинными Телом и Кровью Христовыми, задача встречи сводилась к выяснению того, как понимать происходящее изменение, если эмпирически (для наших чувств) хлеб и вино остаются прежними.

Первая точка зрения сводилась к известной доктрине пресуществления (*transsubstantiatio*) — изменения сущности хлеба и вина при сохранении их акциденций. Эта точка зрения вызвала целый ряд вопросов и замечаний. Отмечу некоторые.

1. Церковь в течение полутора тысяч лет не знала учения о пресуществлении — святые Отцы никогда не высказывали мысли об исчезновении

материальной природы хлеба, вина и воды, замене их сущности.

2. Чем отличается предлагаемое учение от католического? Нет ли здесь того натурализма, по поводу которого А.С.Хомяков передавал возглас ужаса одного священника: «Так что же они (католики) думают, что мяса Христова причащаются?»¹

3. На каком основании утверждается, что сущность хлеба и вина заменяется сущностью Тела и

1. «Православное исповедание» настаивает именно на этом: «Поелику человеческая природа отвращается от ядения невареного мяса, а, между тем, надобно было, чтобы через принятие Тела и Крови Христовой человек соединился со Христом: то, чтобы гнушающийся такую явствою человек не отвергнул сего соединения, Бог, по снисхождению Своему, собственную Плоть и Кровь Свою дает верующим в пищу и питье, под прикрытием хлеба и вина». Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. Вопрос 107.